

Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91).
Political Linguistics. 2022. No 1 (91).

УДК 81'42:81'38
ББК Ш105.51+Ш105.55
doi: 10.26170/1999-2629_2022_01_08

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

Артем Александрович Хабаров

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, lancelot567@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6459-4966>

Демонизация Китая в зарубежных массмедиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию идеологических маркеров оценочной направленности, функционирующих в дискурсах антикитайской конфронтационной риторики массмедиа США и стран коллективного Запада. В фокусе внимания автора оказывается функциональная роль эмоционально-оценочной лексики, актуализируемой в медиатекстах и дискурсивных практиках информационно-психологической войны в качестве вербальных маркеров экстраполяции систем идей и поведенческих паттернов. Лингвистический анализ осуществлялся с помощью таких методов, как семантико-структурный, функционально-прагматический и контекстологический анализ с выделением имплицитного оценочного значения дискурсивных единиц идеологической направленности. Использовался интегративный подход к рассмотрению коммуникативной природы идеологического дискурса, сочетающий в себе применение категориально-понятийного аппарата предикативной концепции языка, методологию критического дискурс-анализа и инструментарий когнитивных и прагматических парадигм изучения феноменологии дискурса в сфере медийной и политической коммуникации. Материал исследования составили англоязычные медиатексты идеологического характера, авторские дискурсы ряда политических и государственных деятелей США; источником материала послужил ряд новостных таблоидов. В ходе лингвистического анализа эмпирического материала рассматривается проявление этнокультурной специфики языкового сознания субъектов и объектов воздействия, способовreprезентации социальных акторов в медиатекстах, а также параметров коммуникативной деятельности, определяющих целостную ситуативную семантику идеологического дискурса в интенциональном и интерпретационном аспектах. Выводы, полученные автором, свидетельствуют о сформированности в западном медиадискурсе стратегий комплексного применения вербальных средствreprезентации парадигмы лингвокультурных концептов, формирующих требуемую актору эмоциональную и прагматическую оценки под влиянием предзапланированных идеологических установок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интердискурс, идеологические маркеры, эмоционально-оценочная лексика, информационно-психологические войны, фреймы, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, языковые средства, язык СМИ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хабаров, А. А. Демонизация Китая в зарубежных массмедиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны / А. А. Хабаров. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 78-89. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_08.

Artem A. Khabarov

Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia, lancelot567@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6459-4966>

Demonization of China in Foreign Mass Media: Discursive Means of Destruction of the Information and Psychological Warfare Targets

ABSTRACT. The article is devoted to the study of ideological markers of evaluative orientation functioning in the discourses of anti-Chinese confrontational rhetoric of the mass media of the USA and the countries of the collective West. The author focuses on the functional role of emotional-evaluative vocabulary, actualized in media texts and discursive practices of information and psychological warfare as verbal markers of extrapolation of systems of ideas and behavioral patterns. The linguistic analysis was carried out using such methods as semantic-structural, functional-pragmatic and contextological analysis accompanied by identification of implicit evaluative meanings of ideologically sensitive discourse units. The study employs an integrative approach to the consideration of the communicative nature of ideological discourse, combining the use of the categorial-conceptual apparatus of the predicative concept of language, the method of critical discourse analysis and the tools of cognitive and pragmatic paradigms of studying the phenomenology of discourse in the field of media and political communication. The research material consists of English-language media texts of ideological nature, authored discourses of a number of politicians and statesmen of the United States; a number of news tabloids serve as the source of research material. In the course of linguistic analysis of empirical material, the study looks at the manifestation of the ethnocultural specificity of the linguistic consciousness of the subjects and objects of influence, the ways of representation of social actors in media texts, as well as the parameters of communicative activity that determine the holistic situational semantics of the ideological discourse in intentional and interpretative aspects. The conclusions obtained by the author indicate the formation in the Western media discourse of the strategies of sophisticated use of verbal means of representation of the paradigm of linguistic and cultural concepts that form the emotional and pragmatic assessments required by the actor under the influence of predetermined ideological aims.

KEYWORDS: *interdiscourse, ideological markers, emotional-evaluative vocabulary, information and psychological warfare, frames, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, linguistic means, mass media language*

FOR CITATION: Khabarov A. A. (2022). Demonization of China in Foreign Mass Media: Discursive Means of Destruction of the Information and Psychological Warfare Targets. In *Political Linguistics*. No 1 (91), pp. 78-89. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_01_08.

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни Китайская Народная Республика (далее — КНР) является одной из ведущих мировых держав, обладающих мощным экономическим, научно-техническим, демографическим и военным потенциалом. Национальная идентичность китайского народа сочетает в себе как нормы традиционных философских учений конфуцианства и даосизма, так и постулаты идеологии строительства социалистического государства, что в совокупности формирует уникальную парадигму развития Китая в XXI столетии. Система базовых ценностей современного китайского общества скрепляется уставными положениями Коммунистической партии Китая (КПК) и авторитетом национального лидера — Председателя КНР Си Цзиньпина. Этнокультурная специфика китайской политики воплощается в дискурсивной стратегии «мягкой персуазии», то есть гармонизации, мирного развития и co-существования. Функционально-прагматические свойства дискурса официальных лиц страны демонстрируют интенцию на формирование в массовом сознании глорифицированного медиаобраза Китая как государства, сделавшего ставку на базовые ценности и идеалы, которые традиционно присущи каждой национальной культуре и будут положительно восприниматься в любом социуме.

В то же время, в интердискурсивном пространстве средств массовой информации (далее — СМИ) коллективного Запада во главе с Соединенными Штатами Америки наблюдаются системные тренды дисфемизации медийного образа КНР, дискредитации решений и действий партийной элиты страны, очернения традиционного уклада жизни китайского общества. Подобное освещение жизни китайского народа говорит о синофобской ориентации дипломатических курсов ряда ведущих западных государств, де-факто расценивающих Китай как одного из главных geopolитических врагов.

В данной публикации мы обратимся к проблематике исследования коммуникативно-прагматических характеристик идеологических маркеров эмоционально-оценочной направленности, функционирующих в дискурсах антикитайской конфронтационной риторики зарубежных массмедиа.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

Целью данной публикации является идентификация и лингвистический анализ идеологических маркеров, несущих эмоционально-оценочную семантику в медиаконтенте западных СМИ в рамках реализации коммуникативных стратегий и приёмов демонизации Китая.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Метанаучная интерпретация природы воздействия информации на психику человека привела к появлению ряда интегративных теорий и критических концепций, описывающих характер взаимодействия идеологии и языка. Среди актуальных антропоцентристических направлений исследования идеологии мы выделяем методики интегративного анализа дискурса [Wodak 2011, Fairclough 2003, Chouliaraki 1999], в которых воплощается представление о динамичной природе культурных и социальных норм. В ходе междисциплинарного анализа имманентных свойств дискурса мы исходим из социальной природы текста как диалога [Бахтин 2000], обращаемся к методологии критического дискурс-анализа [Dijk 2008; Leeuwen 2009], постулатам когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова 2002; Чернявская 2017], теории политической лингвистики и метафорологии [Будаев, Чудинов 2006].

Информационное пространство современных массмедиа насыщено идеологизированным контентом, используемым для манипулятивного воздействия на массовое сознание граждан государств-объектов воздействия с целью деструктивного преобразования их национальной идентичности и менталитета за счет управления мотиваций, изменения категорий мышления и смены способов поведения с применением методов теории бихевиоризма [Почепцов 2001; Thaler, Sunstein 2008; Sharp 2010]. Коммуникативные приемы идеологического воздействия на психику целевой аудитории детерминируются макроструктурой дискурсивного мира информационно-психологической войны (далее — ИПВ), который формируется из тематических макрофреймов и относящихся к ним когнитивных структур (фреймов и субфреймов), объединенных наличием общего семантического ядра [Кушнерук 2020: 14–17].

Лингвистические аспекты противостояния систем идей и взглядов, а также способов воздействия на психику людей рассматриваются нами в рамках концепции системной войны, сводящейся к уничтожению интегрального потенциала противника небоевыми средствами [Репко 2012; Хабаров 2021]. В ходе настоящего исследования мы будем опираться на определение ИПВ как «противоборства сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингв. ИПВ 2017: 13-14]. Подчеркнем, что изучение лингвистических, психологических, политических, философских и военных аспектов идеологической борьбы осуществляется нами в свете междисциплинарного направления «лингвистика информационно-психологической войны» [Колмогорова 2016; Копнина 2018; Почепцов 2001; Сковородников 2016; Кушнерук, Чудинов 2019]. Опираясь на представления Т.А. ван Дейка о феноменологии коллективной репрезентации действительности, мы интерпретируем идеологические учения как одновременно когнитивные и ментальные формации [Dijk 1998], фокусируясь на осмыслиении идеологии с точки зрения ее роли в воспроизведстве социальных отношений и трансформации их структуры, согласно чему «нет практики, кроме той, которая осуществляется посредством и в рамках некой идеологии» [Althusser 2008: 44]. Учитывая многообразие семиотических кодов экстраполяции идеологии в современных массмедиа, мы будем считать исследуемые дискурсивные практики и их текстуальные формы вербальными инструментами трансляции идей и ценностей на основании признаков реализации в речи актора коммуникативно-прагматических интенций, целью которых является воздействие на сознание объекта, трансформация его личностных качеств и регуляция социального поведения.

Описывая соотношение рациональной и эмоциональной сторон оценочной вариативности, мы опираемся на результаты исследований категорий эмоциональности и оценки в языке [Арутюнова 1988; Вольф 1996, Телия 1986; Halliday 1985; Hudson 1980 и др.]. На наш взгляд, к числу важнейших факторов создания оценочной семантики относится способ репрезентации социального актора в медиатексте («участника соци-

альных практик») [Leeuwen 2008: 23] с учетом многомерности интертекстуального пространства и наличия в нем диалога дискурсивных систем, в которых отображаются «предзаданные когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии» [Чернявская 2007: 23].

Вслед за В.Н. Телия, мы оперируем пониманием оценки как «...связи, устанавливаемой между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия 1986: 22–23]. Уточним, что использование эмоционально-окрашенной лексики в политических медиатекстах сочетается с пропагандой идеологии актора для конструирования выгодного ему эмоционального и оценочного подтекста с целью агитации объекта к принятию (непринятию) навязываемых позиций и взглядов [Чернышкова 2017: 129–130]. Заметим также, что сущность пропаганды как коммуникативного феномена заключается в «политической мотивированности информационно-психологического воздействия на эмоционально-волевую сферу сознания реципиента, с помощью которого внедряются установки, идеи и представления» [Мельникова 2010: 48-49] на фоне того, что эмотивная и рациональная оценки образуют сложно-структурированный ментальный комплекс [Чернявская 2017: 29]. Придерживаясь принципа интегративности рациональной и аффективно-чувственной сторон психологических механизмов речевой регуляции, мы учитываем функциональные различия между рациональными методами убеждения, реализуемыми в стратегиях аргументации, и способами воздействия на перцептивную, эмоционально-субъективную сторону индивида, обуславливающие персонализированный и суггестивный характеры речевого воздействия. Функциональная роль эмоционально-оценочной лексики исследуется нами при ее контекстуальной актуализации в дискурсивных практиках ИПВ в качестве верbalных маркеров идеологических установок, распространяемых коллективным Западом на китайское общество.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Лингвистический анализ эмпирического материала проведен при помощи методов семантико-структурного, функционально-прагматического и контекстологического анализа с выделением имплицитного оценочного значения дискурсивных единиц идеологической

направленности. Особенностью исследования является интегративный подход к рассмотрению коммуникативной природы идеологического дискурса, сочетающий в себе методологию критического дискурс-анализа, когнитивных и прагматических концепций изучения дискурсивных феноменов в сфере медийной и политической коммуникации.

В качестве материала лингвистического анализа нам были отобраны англоязычные медиатексты идеологического характера, авторские дискурсы ряда политических и государственных деятелей США, в коммуникативном замысле выступлений которых прослеживается распространение синофобии и культивирование в обществе антикитайских настроений. Источниками материала на английском языке послужили электронные версии новостных таблоидов «The Financial Times», «The Guardian», «BBC News» и др. В ходе исследования мы также обращались к официальным информационным ресурсам институтов государственной власти КНР (习近平系列重要讲话数据库, 学习强国) и оппозиционным интернет-платформам на китайском языке (中国数字时代). Общий объем исследовательского корпуса на английском и китайском языках составил 125 дискурсивных фрагментов.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Приступая к лингвистическому анализу источников языкового материала исследования, считаем важным обратить внимание не только на факты политической и корпоративной ангажированности СМИ США и стран коллективного Запада, но и на обладание ими технологиями имплицитного воздействия на общественное мнение в китайском сегменте сети Интернет и арсенала апробированных методов лингвокогнитивного манипулирования в глобальной цифровой медиасреде. Мишенями информационных атак выступают краеугольные концепты, определяющие ценностные ориентиры и морально-нравственные основы существования китайской нации в парадигме ее цивилизационного развития. Так, в статье *“Xi faces the dilemma of China’s imperial rulers”* — «Си Цзиньпин сталкивается с дилеммой китайских императоров», опубликованной 9 декабря 2021 г. в авторитетном американском таблоиде *“The Financial Times”* было приурочено решению 6 пленума Центрального комитета КПК 19-го созыва от 11 ноября 2021 г. о закреплении роли Си Цзиньпина как «руководящего ядра» Компартии, медийный образ Си Цзиньпина и проводимый им курс сопровождается выражениями с негативной оценочной коннотацией:

1) *China under Xi is centralizing authority, limiting freedoms in the mainland and Hong Kong, running concentration camps in Xinjiang, bolstering the country’s nuclear arsenal, threatening Taiwan and reducing free market ties with the US.* — «Под руководством Си Цзиньпина в Китае идут процессы централизации власти, ограничения свобод на материковом Китае и в Гонконге, осуществляется управление концентрационными лагерями в Синьцзяне, наращивание ядерного арсенала, исходят угрозы Тайваню и сокращаются связи свободной торговли с США» [FT 2021].

Приведенный текстуальный фрагмент изобилует идеологическими маркерами, выражающими в контексте «шаблонный» по духу времени репертуар вербальных средств с пейоративной антикитайской семантикой:

- а) политический ярлык *concentration camps* — «концентрационные лагеря», навязывающий смысловые ассоциации с осуждаемой в мировом сообществе массовой практикой националистических режимов принудительного содержания людей в неволе, ущемления их прав и свобод;
- б) лексические средства отрицательно-оценочного характера в комбинации с вербальными единицами овнешнения ядерных концептов идеологии «западной демократии»: *limiting freedoms* — «ограничиваются свободы», *bolstering nuclear arsenal* — «наращивается ядерный арсенал», *reducing free market ties* — «сокращаются связи свободного рынка», то есть «хорошее» усекается, «плохое» увеличивается;
- в) геополитонимы *Hong Kong* — «Гонконг», *Xinjiang* — «Синьцзян», *Taiwan* — «Тайвань», употребление которых в практиках синофобской риторики приобрело функциональный статус устойчивых форм вербального отображения концептуальной модели Китая как «авторитарного, узурпаторского режима», так как контекстуальное задействование данных идеологических маркеров в западных СМИ сопровождается информационным фоном коммуникативных ситуаций, связанных с нарушением прав человека, попиранием свобод и пр.

Озвученное в тексте понятие *concentration camps* — «концлагерь» демонстрирует яркий пример использования актором дискурса номинации с гипертрофированной эмоционально-оценочной семой, денотат которой не может напрямую предъявлен адресату, поскольку Западом не приведен ни один официально подтвержденный факт наличия концентрационных лагерей уйгурского

населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Исходя из сказанного выше, установление в тексте предикативного отношения с заведомо негативными номинациями стереотипного характера, референты которых обладают размытым сигнификативным значением, говорит о вербальной активации в дискурсе политических ярлыков [Сквородников, Копнина 2019: 50], сигнализирующих о намеренном наращивании степени конфронтационной риторики. Очевидно, что подобная политическая стигматизация способствует укоренению в массовом сознании дискурсивной псевдореальности, иными словами, — состояния постправды, строящегося на принятии аргументов, основанных на убеждениях и эмоциях в противовес анализу фактов [Кушнерук, Чудинов 2019: 110].

Аксиологический компонент номинации «Си Цзиньпин» в сочетании с понятием *imperial ruler* — «император», которое обладает «недемократической» семантикой, раскрывается в материале газетной статьи через оценочную номинацию действий, приписываемых Си Цзиньпину. Навязываемая аудитории аргументация является прямой манипуляцией, так как утверждения подобного характера должны сопровождаться юридической верификацией. Метафорическое отождествление руководителя социалистического государства с образом императора, олицетворяющего абсолютную и неконтролируемую власть, данную свыше, создает когнитивный диссонанс и повышает степень негации. Примечательно, что воздействие на эмоциональную сферу адресатов статьи подкрепляется репрезентацией в дискурсе социального актора — некоего ассоциированного профессора Гарвардского университета Ван Юхуа (*Wang Yuhua*), номинально относящегося по признаку этнокультурной идентичности к представителю китайского общества. Именно устами этого «соотечественника» аргументируются якобы истинные причины антикоррупционных чисток в Китае после избрания его Си Цзиньпина председателем КНР, что подкрепляется результатами авторских исследований свержения императоров из 49 китайских династий на протяжении периода 2000-летней истории их правления. Приведем ряд тезисов профессора Ван Юхуа, в которых он проводит параллели между современным и императорским Китаем:

2) *In order to maintain their grip on power, Chinese emperors broke the social ties among the elites, which rendered them an incoherent group. <...> Such a course of action could extend an emperor's rule and prolong a dynasty — but it also gradually weakened the capacity of the*

state to get things done. Wang sees parallels with Xi's China today. — «Чтобы сохранить свою власть, китайские императоры разорвали социальные связи между элитами, что нарушило их единство. <...> Такой образ действий мог бы увеличить срок правления императора и продлить династию, но он также постепенно ослаблял способность государства добиваться поставленных целей. Ван (Юхуа) видит параллели с сегодняшним Китаем Си Цзиньпина» [FT 2021].

Навязывание актором рациональной оценки происходит за счет аргументативной тактики логичного изложения исторических фактов, подготавливая пресуппозицию для дальнейшего сравнения личности Си Цзиньпина и порочных практик борьбы за власть, унаследованных из прошлого. Эмоционально-оценочное восприятие усиливается сочетанием *grip on power* — «удержание власти, ухватиться за власть», историческими реалиями *emperor* — «император», *dynasty* — «династия» и пр. Дискурсивное проявление суггестивного намерения актора находит отражение в следующем абзаце:

3) *As Xi waits to be anointed as latter-day emperor at the 20th National Congress of the Chinese Communist party next year, he must strike an age-old balance. It will not be Sino-US relations, climate change or even domestic economic growth that weighs heaviest on his mind. <...> His main priority will be to keep Chinese political elites sweet enough to maintain their support but disunited enough to enfeeble their resistance.* — «Поскольку Си (Цзиньпин) ожидает помазания на пост новоявленного императора на 20-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая в следующем году, он должен соблюсти вековой баланс. Больше всего его беспокоят не китайско-американские отношения, изменение климата или даже внутренний экономический рост. <...> Его главным приоритетом будет поддержание среди китайских политических элит достаточного уровня лояльности, дабы сохранить их поддержку, и определенной степени разобщенности, чтобы ослабить их сопротивление» [FT 2021].

Прагматическая оценка, заложенная в препозиции данного фрагмента текста, уже навязана читателю: «император Си Цзиньпин» ведет точно так, как действовали предшествующие ему диктаторы, движимые лишь целью сохранения власти». Подкрепляется такая оценочность ярким метафорическим образом процедуры принятия власти при помощи экспрессивной лексики: *to be anointed* — «быть помазанным (елеем)», *latter-day emperor* — «новоявленный импера-

тор», *age-old balance* — «древний баланс (сил)», что призвано вызывать у читателя эвокации к церемониалу императорской формы правления, ассоциирующейся с узурпацией власти. Заметим, что церемония помазания елеем, проводимая при легитимации власти вступающего на престол монарха, была присуща европейской культурной традиции, что говорит о преимущественной направленности манипулятивного потенциала данного медиатекста на западную англоязычную аудиторию.

Чувство неприятия к политике Си Цзиньпина должно усиливаться выводами о якобы истинных целях его деятельности — борьбе за власть: *to keep Chinese political elites sweet enough* — «сохранить достаточную лояльность китайских политических элит». Данное утверждение приводится в аргументативном противопоставлении актуальным вопросам международной повестки, которыми должны заниматься «правильные» лидеры: (*Sino-US relations* — «(международные) отношения (между США и КНР)», *climate change* — «изменение климата», *domestic economic growth* — «внутренний экономический рост». Прием антитезы усиливает редукционистическое отображение действительности, сведение ее к полярным категориям «хороший/правильный» западный мир — «злой/плохой» Си Цзиньпин, что в целом направлено на углубление у аудитории осознания своей соотнесённости к кругу «своих», а Председателя КНР, следовательно, и всего китайского руководства, — к «чужим». В числе дополнительных средств речевой агрессии выделим также использование исключительно оценочной лексики при описании в негативном ключе действий Китая и его руководства (пр. 1 и 3), что подчеркивает противопоставление Китая и ассоциаций с ним как «чужого» по отношению к категориям «своего». Заметим, что формирование в тексте внутригрупповой идентичности свидетельствует об идеологической поляризации дискурса, размежевывая в рамках бинарной оппозиции «свой-чужой» языковые средства характеристизации «друзей» и «врагов». Неуклонное поддерживание негативного вектора оценочности по отношению к системе власти КНР как мишени воздействия в композиции рассматриваемых дискурсивных фрагментов позволяет нам трактовать подобные речевые произведения как «оружие ИПВ» [Бернацкая 2018: 72].

Говоря о значимости коммуникативной роли профессора Ван Юхуа в интердискурсивном мире ИПВ, обратим внимание на соответствующую технику презентации «псевдосвоего» социального актора с за-

действованием способов спецификации (идентификации признаков этнокультурной общности) и сверхдетерминации (представленность в разных социальных ролях и практиках) [Красикова 2013: 17–18], что характерно для медиатекстов манипулятивной направленности. Семантическая целостность информационных атак, проводимых по единому замыслу разноплановыми акторами такого типа, верифицируется развивающейся в русле идей М.М. Бахтина концепцией «много-голосия» в дискурсе, свете которой «полифония «голосов», накладывающихся друг на друга и артикулирующих определенные политические идеи, рассчитана на «формирование определенного образа реальности, государства или личности» [Колмогорова 2021: 43].

С нашей точки зрения, информационные атаки на политическое руководство КНР в интердискурсивной среде массмедиа имеют тенденциональные признаки психологических операций, нацеленных на сепаративное разложение китайского общества. Данное утверждение обосновывается фактами агитационной деятельности интернет-ресурсов, подобных созданному в 2003 г. на базе Высшей школы журналистики Калифорнийского университета США порталу *«China digital times»* (CDT, 中国数字时代), который транслирует антикитайскую пропаганду, дискредитирующую имидж Си Цзиньпина и всего китайского государства посредством вызывания негативных ассоциаций с отсылкой на политические события, социальные и культурные процессы в истории Китая. В числе размещенных на сайте портала интердискурсивных выражений отрицательного отображения макрофрейма «Си Цзиньпин» присутствуют отдельные лексические единицы с этнокультурной оценочной семантикой:

4) 长生不老 — «бессмертие», 终身制 — «система пожизненной власти». Политические термины с негативной коннотацией неизбежности длительной автократии, призванный отождествить партийно-административную систему КНР с монархическими формами правления, когда гегемон волен властвовать до конца своих дней, а общество ему totally подчинено [中国数字时代 2021(a)];

5) синонимический ряд изоморфных лексем: 吾皇 — «(мой) император», 称帝 — «прозвозглашать себя повелителем», 登机 — «садиться в самолёт», — выражение, являющееся полным омофоном сочетания 登基 — «наследовать трон» [中国数字时代 2021(b)].

Трансляция в интердискурсивной среде английских эквивалентов этих слов и выра-

жений призвана повысить уровень аутентичности идеологических текстов, распространяемых при помощи СМИ. Для усиления негативной оценки китайского руководства за счет эффектов сарказма и комичности активно используются прецедентные феноме-

ны англо-саксонской лингвокультуры, художественные и медийные образы, в частности мемы с изображением диснеевских персонажей. Приведем пример из фокусирующегося на Китае американского издания “*SupChina*” (рис. 1).

Рис. 1. «*Find the thing you love and stick with it*» — «Найди то, что тебе нравится, и крепко обними это» [*SupChina* 2018]

Политическая метафора, заключающаяся в таких рисунках, раскрывается через образ медвежонка Винни, обнимающего бочонок с медом, что призвано вызвать ассоциативный ряд с Си Цзиньпином, ухватившимся за власть. Солидарность pragматической оценки, которую дают подавляющее большинство англоязычных западных СМИ, опубликовавших подобные мемы, демонстрирует их консолидированную мотивацию и оценочную детерминированность коллективного мышления:

6) “Who’s afraid of *Winnie the Pooh?* The Chinese government, apparently. <...> Authoritarian regimes are often touchy” — «Кто боится Винни-Пуха? Китайское правительство, очевидно. <...> Авторитарные режимы часто обидчивы» [Guardian 2017].

Как видно из примера 6, где цитируется статья из американского таблоида “The Guardian”, метафорическое отождествление китайского лидера с плюшевым медвежонком — персонажем детских сказок, призвано не только создать сатирический фон. Одна

из главных задач метафоры заключается в действовании механизмов мышления с целью конструирования картины мира, в которой китайская власть смешна и жестока, в том числе и *often touchy* — «часто обидчива».

7) *It is not only that China's censors will not tolerate ridicule of the country's leader, they do not want this beloved children's character becoming a kind of online euphemism for the Communist Party's general secretary. <...> Here the president is Mr Grey. He doesn't do silly things; he has no quirky elements; he makes no mistakes and that is why he is above the population and unable to be questioned.* — «Дело не только в том, что китайские цензоры не потерпят насмешек над лидером страны, они не хотят, чтобы этот любимый детский персонаж стал своего рода онлайн-эвфемизмом для генерального секретаря Коммунистической партии. <...> Здесь президент (номинация должности «Председатель КНР» — прим. автора) — это «мистер Грей». Он не делает глупостей, у него нет причудливых качеств, он не совершает ошибок».

бок, и именно поэтому он выше населения и не может быть подвергнут сомнению» [BBC News 2017].

В примере 7 показана выдержка из новостного издания “BBC News”, в которой Си Цзиньпин уже сравнивается с гедонистическим образом Дориана Грея, самовлюбленного героя английской литературы из романа Оскара Уайльда. Навязываемая оценка о Си Цзиньпине раскрывается через стремление идеализировать себя в противовес доброму мишке, который любит всеми и поэтому более положителен в глазах носителя английского языкового сознания, чем негативный персонаж мистера Грея. Гиперболичность фантасмагоричных оценочных характеристик, приписываемых Си Цзиньпину через образ Грея, должна «расчеловечить» его реальную личность и усилить степень негации: *He doesn't do silly things, has no quirky elements, makes no mistakes* — «Он не делает глупостей, у него нет причудливых качеств, он не совершает ошибок». Главный вердикт американского издания *he is above the population, unable to be questioned* — «он выше населения, не может быть подвергнут сомнению» заточен под то, чтобы ввести адресата в когнитивный диссонанс: если глава страны, строящей социализм, ратующей за равноправие и коллективизм, — это самовлюбленный диктатор, то возникают подозрения о легитимности всей системы общественных отношений в этой стране, неужели это все ложь? Подобные риторические вопросы в голове объекта воздействия — это и есть результат лингвокогнитивного манипулирования за счет подтасовки фактов и фальсификации истины.

Прецедентное употребление тождественных маркеров идеологии культивации синофобии фиксируется и в якобы «деполитизированном» сегменте западных массмедиа, который пополняется информационным контентом неправительственных институтов и организаций, позиционирующих себя независимыми структурами. Например, всемирно известная неправительственная организация “Amnesty International” («Международная амнистия») системно развивает интердискурсивной среде тематику узурпации власти и нарушений прав мусульман, проживающих в Китае. Приведем выдержки из доклада этой организации от 7 июня 2021 г. с недвусмысленным названием “*Like we were enemies in a war. China's Mass Internment, Torture and Persecution of Muslims in Xinjiang*” — «Как будто мы были врагами на войне. Массовое интернирование, пытки и преследова-

ние мусульман в Синьцзяне», где для англоязычной общественности освещается якобы «реальное» положение дел в уйгурского населения в Синьцзяне:

8) *The human suffering has been immense. Huge numbers of men and women from predominantly Muslim ethnic groups have been arbitrarily detained and sent to internment camps or prison.* — Человеческие страдания были безмерны. «Огромное число мужчин и женщин из преимущественно мусульманских этнических групп были произвольно задержаны и отправлены в лагеря для интернированных или тюрьмы» [AI 2021].

Безапелляционная негативная оценка действий, приписываемых китайской власти, строится при помощи набора чувственных эмоций, выражаемых комбинациями слов *human suffering* — «человеческие страдания», которые описываются как *immense* — «безмерные, огромные», равно как и количество угнетенных людей: *huge numbers of men and women* — «огромное число мужчин и женщин», о правленных в *internment camps* — «лагеря для перемещенных лиц» и *prison* — «тюрьмы». С точки зрения прагматического восприятия, закономерен вопрос: почему информация подается односторонне? Где в тексте приводится альтернативная позиция власти, аргументация свидетелей, утверждающих обратное? Видимо, автору дискурса это невыгодно, так как нарушится манипулятивный эффект.

9) *The government's abuses are ongoing. <...> Moreover, the government has devoted tremendous resources to concealing the truth about its actions.* — «Злоупотребления правительства продолжаются. <...> — «Более того, правительство выделило огромные ресурсы на скрытие правды о своих действиях» [AI 2021].

В качестве выводов подобных докладов об «истинном положении дел» приводятся тезисы, обосновывающие негативные коннотации о мишени информационного атака посредством использования дисфемизмов и пейоративной лексики: *the government's abuses* — « злоупотребления правительства», которые *are ongoing* — «идут» и гипотетически будут продолжаться. Несомненный атрибут очерняющей риторики экспрессивное обвинение во лжи и ее скрытии, на что выделяются *tremendous resources* — «огромные ресурсы». Продемонстрируем наглядное изображение из данного отчета, призванное повысить атtractивность материала (рис. 2).

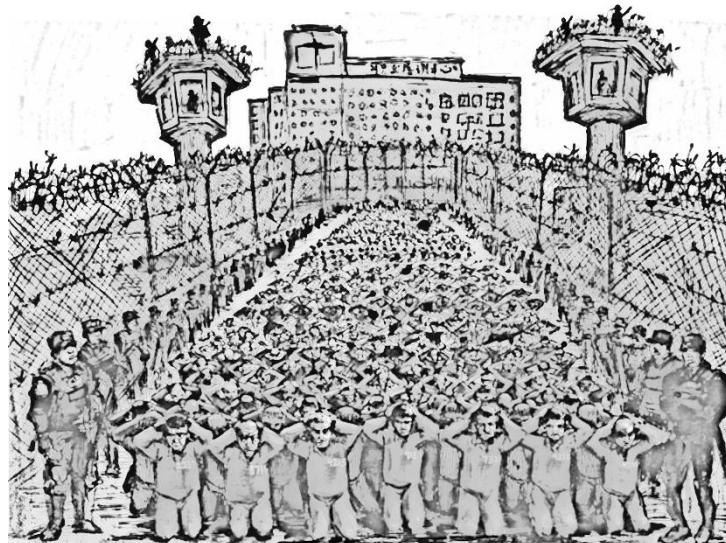

Рис. 2. «Demand the immediate release of everyone arbitrarily detained» — «Требуйте немедленного освобождения всех произвольно задержанных»

Название рисунка сопровождается надписью: “[Chinese authorities] are looking for any excuse to sentence you” — a detainee’s relative” — «(Китайские власти) ищут любой предлог, чтобы приговорить вас» — родственник задержанного». Уместно применяемый здесь способ социальной репрезентации актора — анонимизация (деперсонализация), манипулятивное воздействие достигается за счет создания эффекта массовости на основе уже приведенных в тексте единичных ссылок на жизненные истории реальных личностей. Атмосферу страха нагнетают такие слова с неопределенным значением *apu excuse* — «любой предлог» и категоричной прагматикой *to sentence you* — «приговорить вас», подталкивающие адресата к активации механизмов аффективного осмысления описываемой ситуации, возбуждению чувства необоснованного страха, вызываемого при вербализации антецедента коммуникативной ситуации — правительства Китая. Подобные речевые примеры указывают на стратегию магнификации угрозы и запугивания с целью лишения адресата возможности мыслить критически, так как «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум» [Кара-Мурза 2015: 207].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди методов интердискурсивного развертывания пропаганды по демонизации медийного образа Китая нами были рассмотрены присущие западным СМИ коммуникативные стратегии дезинформации целевой аудитории, фальсификации истины, табуирования данных, мифологизации

«желтой» угрозы и магнификации китайской агрессии. Лингвистический анализ материала исследования позволил выявить такие способы и средства создания конфронтационной риторики, как редукционизм, метафоричность, формирование внутригрупповой идентичности в рамках оппозиции «свой-чужой», использование эмоционально-оценочной лексики, стилистические приемы антитезы, гиперболы, энтилемы, сопряжения смысловой конкретизации и неопределенности, используемые для описания концептуальных основ деятельности сторон противоборства. К числу типологических характеристик западного медиадискурса мы относим манипулирование прагматическим восприятием верbalных форм репрезентации ядерных концептов лингвокультуры государства-жертвы, формирующих у целевой аудитории требуемую актору эмоциональную и прагматическую оценки под влиянием предзаданных идеологических установок. Так, этнокультурная специфика методов дискредитации Китая в западных СМИ раскрывается в дискурсах китайских диссидентов за рубежом («псевдосвои») посредством таргетированного очернения медиаобраза Си Цзиньпина как национального лидера и главы «большой китайской семьи народов», давления на «болевые точки» ценностных доминант коллективизма в традиционной модели китайского общества.

Дисфемизация политических и культурных институтов современного китайского общества в западной массовой коммуникации реализуется в идеологических имплицатурах, приоритетно нацеленных на развертывание манипулятивного потенциала ме-

диадискурса вокруг следующих тематических топиков: партийно-политическое руководство Китая, ключевые сферы государственного строительства, этноконфессиональные и территориальные проблемы в сфере внутренней политики. Мишенью воздействия выступают манифестируемые в программных выступлениях Си Цзиньпина концептуальные ценности коллективного сосуществования: концепция «сообщества единой судьбы человечества», доктрина строительства «социалистического государства с китайской спецификой в новую эпоху» и др. Негативные оценочные номинации, создаваемые при актуализации в идеологическом дискурсе западных СМИ геополитонимов «Синьцзян», «Тайвань», «Гонконг», «Тибет» и пр., инициируются с целью эвокации к вербально-ассоциативному полю фреймов «права человека», «свобода» в контексте нарушения и попирания этих базовых ценностей в глазах представителей евроатлантической культуры.

Считаем важным указать на то, что коммуникативные стратегии демонизации Китая в западном медиадискурсе адаптивно реагируют на изменения в репрезентационной структуре дискурсивного мира ИПВ. Данный тезис верифицируется фактами циркуляции в медиасреде идеологических дискурсов вокруг топосов китайского происхождения коронавируса, политизации процессов производства и продажи вакцин, экологических и демографических проблем в КНР и т.п., что говорит о скординированности и системности действий западных СМИ по распространению антикитайской риторики.

ИСТОЧНИКИ

1. AI. Amnesty International. “Like we were enemies in a war”: China’s Mass Internment, Torture and Persecution of Muslims in Xinjiang (amnesty.org). — 2021. — URL: <https://xinjiang.amnesty.org/> (date of access: 20.12.2021). — Text : electronic.
2. BBC News. Why China censors banned Winnie the Pooh. — 2017. — URL: <https://www.bbc.com/news/blogs-china-blog-40627855> (date of access: 21.12.2021). — Text : electronic.
3. FT. Financial Times. Xi faces the dilemma of China’s imperial rulers. — 2021. — URL: <https://www.ft.com/content/5c0a12f3-bc3a-4d13-b9f7-302f3f6dc59b> (date of access: 20.12.2021). — Text : electronic.
4. Guardian. China bans Winnie the Pooh film after comparisons to President Xi. — 2017. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/07/china-bans-winnie-the-pooh-film-to-stop-comparisons-to-president-xi> (date of access: 20.12.2021). — Text : electronic.
5. SupChina. ‘Find the thing you love and stick with it’: Xi Jinping and the perfect meme. — 2018. — URL: <https://supchina.com/2018/02/26/find-the-thing-you-love-and-stick-with-it-xi-jinping-winnie-the-pooh/> (date of access: 20.12.2021). — Text : electronic.
6. 中国数字时代(a). = China Digital Times (CDT). Sensitive Words: Xi to Ascend His Throne (Updated). — 2021. — URL: <https://chinadigitaltimes.net/2018/02/sensitive-words-emperor-xi-jinping-ascend-throne/> (date of access: 21.12.2021). — Text : electronic.
7. 中国数字时代(b). = China Digital Times (CDT). 【404档案馆】第46期：“实习狗加班好累”有什么问题？关于习近平的数万个敏感词 — 中国数字时代. — 2021. — URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/674320.html> (date of access: 21.12.2021). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

8. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва, 1988. — 338 с. — Текст : непосредственный.
9. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Л. Толстом. Записки курса лекций по истории русской литературы. — Москва : Рус. словари, 2000. — 798 с. — Текст : непосредственный.
10. Бернацкая, А. А. О легитимности анализа художественного текста в аспекте информационно-психологической войны / А. А. Бернацкая. — Текст : электронный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018. — № 3. — С. 67–79. — URL: <https://clck.ru/JjKUf> (data обращения: 18.12.2021).
11. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 206 с. — Текст : непосредственный.
12. Вольф, Е. М. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность / Е. М. Вольф. — Москва : [б. и.], 1996. — 168 с. — Текст : непосредственный.
13. Кара-Мурза, С. Г. Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. — Изд. 3-е. — Москва : Академический проект, 2015. — 358 с. — Текст : непосредственный.
14. Колмогорова, А. В. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации / А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, Ю. А. Талдыкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 194–199. — Текст : непосредственный.
15. Колмогорова, А. В. Все ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ / А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 41–49. — Текст : непосредственный.
16. Копнина, Г. А. «Лингвистика информационно-психологической войны» в Сибирском федеральном университете: презентация научного проекта / Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Информационные войны как борьба geopolитических противников, цивилизаций и различных этосов : сборник трудов Всероссийской научной конференции. — Новосибирск : [б. и.], 2018. — С. 338–348.
17. Красикова, Т. Р. Репрезентация социальных субъектов конфликтной ситуации в медиатекстах / Т. Р. Красикова. — Текст : непосредственный // Современный дискурс-анализ. — 2013. — № 9. — С. 17–25.
18. Кубрякова, Е. С. Композиционная семантика: цели и задачи / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Композиционная семантика : материалы Третьей междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. 18–20 сентября 2002 г. — Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2002. — Ч. 1. — С. 4–6.
19. Кушнерук, С. Л. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4. — Ч. 1. — С. 105–118.
20. Кушнерук, С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 12–21. — DOI 10.26170/pl20-05-01.
21. Лингвистика информационно-психологической войны : коллективная монография. Кн. I / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. — 419 с. — Текст: непосредственный.
22. Мельникова, Т. С. Пропаганда как технология политического манипулирования / Т. С. Мельникова. — Текст : непосредственный // Власть. — 2010. — № 8. — С. 47–51.
23. Почепцов, Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. — Москва : Рефл-бук, 2001. — 576 с. — (Сер.: Образовательная библиотека). — Текст : непосредственный.

24. Репко, С. И. Национальная безопасность / С. И. Репко. — Москва : Академия геополитики, 2012. — 290 с. — Текст : непосредственный.
25. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 42–50.
26. Сковородников, А. П. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 2019. — № 1. — С. 44–57. — DOI 10.31857/S013161170003954-8.
27. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. — Москва, 1986.— 143 с. — Текст : непосредственный.
28. Хабаров, А. А. Интердискурс информационно-психологической войны как вид концептуального оружия / А. А. Хабаров. — Текст : непосредственный // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2021. — № 4. — С. 77–96. — DOI 10.51955/2312-1327_2021_4_77.
29. Чернышкова, А. В. Эмоционально окрашенная лексика XXI века (на материалах СМИ и интернет-ресурсов) / А. В. Чернышкова. — Текст : непосредственный // Лучшая научная статья. 2017 : сб. статей победителей VI Международного науч.-практ. конкурса. — Пенза : Наука и просвещение, 2017.— С. 128–131.
30. Чернявская, В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность — дискурсивность — интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Текст : непосредственный // Стил-6. — Белград : [б. и.], 2007. — С. 11–26.
31. Чернявская, В. Е. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе : учеб. для магистратуры / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыченко. — Москва : Ленанд, 2017. — 176 с. — Текст : непосредственный.
32. Чудинов, А. П. Очерки по политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2013.— 175 с. — Текст : непосредственный.
33. Ярцева, В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. — 682 с. — Текст : непосредственный.
34. Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses/ L. Althusser. — Text : unmediated //On ideology. — London, 2008. — 179 p.
35. Chouliaraki, L. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis / Lilie Chouliaraki, Norman Fairclough. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 1999. — 168 p. — Text : unmediated.
36. Dijk, T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — London : Sage, 1998. — 374 p. — Text : unmediated.
37. Dijk, T. A. van. Discourse and Power / T. A. van Dijk. — Palgrave, 2008. — 320 p. — Text : unmediated.
38. Fairclough, N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / Norman Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 269 p. — Text : unmediated.
39. Halliday, M. A. K. An Introduction to Functional Grammar / M. A. K. Halliday. — London : Edward Arnold, 1985. — 689 p. — Text : unmediated.
40. Hudson, W. D. A century of moral philosophy / W. D. Hudson. — New York, 1980. — 216 p. — Text : unmediated.
41. Leeuwen, T. van. Critical discourse analysis / T. van Leeuwen. — Text : unmediated // Discourse, of course. An overview of research in discourse studies / ed. by J. Renkema. — Amsterdam : John Benjamins B. V., 2009. — 403p.
42. Sharp, G. From dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation / Gene Sharp ; The Albert Einstein Institution. — 4th edition. — 2010. — 102 p.
43. Thaler, R. H.— Sunstein, Cass R.: Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness / Richard H. Thaler. — New Haven : Yale University Press, 2008. — 293 p. — Text : unmediated.
44. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action Politics as Usual / Ruth Wodak. — 2nd revised edition. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011.— 260 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Artificial intelligence. Amnesty International. (2021). “As if we were enemies at war”: Mass internment, torture and persecution of Muslims in Xinjiang in China. Retrieved December 20, 2021 from <https://xinjiang.amnesty.org/>

2. BBC News. (2017). Why Chinese censors banned Winnie-the-Pooh. Retrieved December 21, 2021, from <https://www.bbc.com/news/blogs-china-blog-40627855>

3. FT. Financial Times. (2021). Xi Jinping faces the dilemma of China's imperial rulers. Retrieved December 20, 2021, from <https://www.ft.com/content/5c0a12f3-bc3a-4d13-b9f7-302f3f6dc59b>

4. Guardian. (2017). China banned the film about Winnie the Pooh after comparisons with President Xi / Xi Jinping. Retrieved December 20, 2021, from <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/07/china-bans-winnie-the-pooh-film-to-stop-comparisons-to-president-xi>.

5. SupChina. (2018). ‘Find the thing you love and stick with it’: Xi Jinping and the perfect meme. Retrieved December 20, 2021, from <https://supchina.com/2018/02/26/find-the-thing-you-love-and-stick-with-it-xi-jinping-winnie-the-pooh/>

6. The Digital Age of China. (2021a). Sensitive Words: Xi will ascend to His throne (Updated). Retrieved December 21, 2021, from <https://chinadigitaltimes.net/2018/02/sensitive-words-emperor-xi-jinping-ascend-throne/>

7. The Digital Age of China. (2021b). [Archive 404] Issue 46: “The trainee dog is so tired of working overtime.” What is the problem? Tens of Thousands of Sensitive words about Xi Jinping. Retrieved December 21, 2021, from <https://chinadigitaltimes.net/chinese/674320.html>

REFERENCES

8. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 338 p. (In Russ.)
9. Bakhtin, M. M. (2000). Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Stat'i o L. Tolstom. Zapiski kursa lektsiy po istorii russkoy literature [Problems of Dostoevsky's creativity. Articles about L. Tolstoy. Notes of a course of lectures on the history of Russian literature]. In *Collected works* (Vol. 2). Moscow: Russian Dictionaries, 798 p. (In Russ.)
10. Bernatskaya, A. A. (2018). O legitimnosti analiza khudozhestvennogo teksta v aspekte informatsionno-psichologicheskoy voyny [On the legitimacy of the analysis of a literary text in the aspect of information psychological warfare]. In *Ecology of language and communicative practice*, 3, 67–79. Retrieved December 18, 2021, from <https://clck.ru/JjKUF> (In Russ.)
11. Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2006). *Metafora v politicheskem interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse]. Yekaterinburg, 206 p. (In Russ.)
12. Wolf, E. M. (1996). *Funktional'naya semantika: otsenka, ekspressivnost', modal'nost'* [Functional semantics: evaluation, expressiveness, modality]. Moscow, 168 p. (In Russ.)
13. Kara-Murza, S. G. (2015). *Vlast' manipulyatsii* [The power of manipulation] (3rd ed.). Moscow: Academic Project, 358 p. (In Russ.)
14. Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., & Taldykina, Yu. A. (2016). Yazykovye markery manipulyatsii v polaryizovanom politicheskem diskurse: opyt parametrizatsii [Linguistic markers of manipulation in polarized political discourse: the experience of parametrization]. *Political Linguistics*, 4(58), 194–199. (In Russ.)
15. Kolmogorova, A. V., & Gornostaeva, Yu. A. (2021). Vse li mogut koroli? ili Strategii legitimatsii ispanskoy monarkhii v politicheskem mediadiskurse SMI [Can kings do everything? or Strategies of legitimization of the Spanish monarchy in the political media discourse of the media]. *Political Linguistics*, 1(85), 41–49. (In Russ.)
16. Kopnina, G. A. (2018). «Lingvistika informatsionno-psichologicheskoy voyny» v Sibirskom federal'nom universitete: prezentatsiya nauchnogo proekta [Linguistics of information and psychological warfare" at the Siberian Federal University: presentation of a scientific project]. In *Information wars as a struggle of geopolitical opponents, civilizations and various ethos* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference] (pp. 338–348). Novosibirsk. (In Russ.)
17. Krasikova, T. R. (2013). Repräsentatsiya sotsial'nykh sub'ektov konfliktnoy situatsii v mediatekstakh [Representation of social subjects of a conflict situation in media texts]. *Modern discourse analysis*, 9, 17–25. (In Russ.)

18. Kubryakova, E. S. (2002). Kompozitsionnaya semantika: tseli i zadachi [Compositional semantics: goals and objectives]. In *Compositional semantics: Materials of the Third International School-seminar on cognitive linguistics* (Part 1, pp. 4–6). Tambov: Publishing House of Tambov State University named after G. R. Derzhavin. (In Russ.)
19. Kushneruk, S. L., & Chudinov, A. P. (2019). Razvitiye lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny: metodologicheskaya neodnorodnost' i pervye rezul'taty [Development of linguistics of information and psychological warfare: methodological heterogeneity and first results]. *Ecology of language and communicative practice*, 4(part 1), 105–118. (In Russ.)
20. Kushneruk, S. L. (2020). Diskursivnyy mir informatsionno-psikhologicheskoy voyny: reprezentatsionnaya struktura po dannym korpusa [The discursive world of information and psychological warfare: a representative structure according to the corpus]. *Political Linguistics*, 5(83), 12–21. (In Russ.). DOI: 10.26170/pl20-05-01.
21. Skovorodnikov, A. P. (Ed.). (2017). *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: kollektivnaya monografiya. Kn. I* [Linguistics of information and psychological warfare: a collective monograph. The book I]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 419 p. (In Russ.)
22. Melnikova, T. S. (2010). Propaganda kak tekhnologiya politicheskogo manipulirovaniya [Propaganda as a technology of political manipulation]. *Power*, 8, 47–51. (In Russ.)
23. Pocheptsov, G. G. (2001). *Informatsionnye voyny* [Information Wars] (Series: Educational Library). Moscoe: Refl-book, 576 p. (In Russ.)
24. Repko, S. I. (2012). *Natsional'naya bezopasnost'* [National Security]. Moscow: Academy of Geopolitics, 290 p. (In Russ.)
25. Skovorodnikov, A. P., & Kopnina, G. A. (2016). Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information and psychological warfare: to substantiate and define the concept]. *Political Linguistics*, 1(55), 42–50. (In Russ.)
26. Skovorodnikov, A. P., & Kopnina, G. A. (2019). Politicheskie yarlyki v sovremennom russkoyazychnom mediadiskurse [Political labels in modern Russian-language media discourse]. *Russian Speech*, 1, 44–57. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013161170003954-8.
27. Telia, V. N. (1986). Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh ediniti [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, 143 p. (In Russ.)
28. Khabarov, A. A. (2021). Interdiskurs informatsionno-psikhologicheskoy voyny kak vid konstestinal'nogo oruzhiya [Interdiscourse of information and psychological warfare as a kind of constitutional weapon]. *Expert's credit: transport, society, education, language*, 4, 7–96. (In Russ.) DOI: 10.51955/2312-1327_2021_4_77.
29. Chernyshkova, A. V. (2017). Emotsional'no okrashennaya leksika XXI veka (na materialakh SMI i internet-resursov) [Emotionally colored vocabulary of the XXI century (based on media and Internet resources)]. In *The best scientific article 2017. Collection of articles of the winners of the International Scientific and Practical Competition* (pp. 128–131). Penza: Science and Education. (In Russ.)
30. Chernyavskaya, V. E. (2007). Otkrytyy tekst i otkrytyy diskurs: intertekstual'nost' — diskursivnost' — interdiskursivnost' [Open text and open discourse: intertextuality — discursivity — interdiscursivity]. In *Stil-6* (pp. 11–26). Belgrade. (In Russ.)
31. Chernyavskaya, V. E., & Molodychenko, E. N. (2017). *Rechevoe vozdeystvie v politicheskem, reklamnom i internet-diskurse* [Speech influence in political, advertising and Internet discourse] [Textbook for magistracy]. Moscow: Lenand, 176 p. (In Russ.)
32. Chudinov, A. P. (2013). *Ocherki po politicheskoy metaforologii* [Essays on political metaphorology]. Yekaterinburg, 175 p. (In Russ.)
33. Yartseva, V. N. (Ed.). (1998). *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary / gl. ed. V.N. Yartseva] (2nd ed.). Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 682 p. (In Russ.)
34. Althusser, L. (2008). Ideology and Ideological State Apparatuses. In *On ideology*. London, 179 p.
35. Chouliarakis, Lilie & Fairclough, Norman (1999). *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 168 p.
36. Dijk, T. A. van. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 374 p.
37. Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and Power*. Palgrave, 2008th edition, 320 p.
38. Fairclough, Norman. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 269 p.
39. Halliday, M. A. K. (1985). *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold, 689 p.
40. Hudson, W. D. (1980). *A century of moral philosophy*. New York, 216 p.
41. Leeuwen, T. van (2009). Critical discourse analysis. In J. Renkema (Ed.), *Discourse, of course. An overview of research in discourse studies*. Amsterdam: John Benjamins B.V., 403 p.
42. Sharp, Gene. (2010). *From dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation* (4th edition). The Albert Einstein Institution, 102 p.
43. Thaler, Richard H. (2008). *Sunstein, Cass R.: Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale University Press, 293 p.
44. Wodak, Ruth. (2011). *The Discourse of Politics in Action Politics as Usual* (2nd revised edition). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 260 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Хабаров Артем Александрович — кандидат филологических наук, докторант Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: lancelot567@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR: Khabarov Artem Aleksandrovich — Candidate of Philology, Doctoral Student of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia.